
Т. В. КУДРЯВЦЕВА

ГРЕЧЕСКИЕ ФИЛОСОФЫ О ДЕМОКРАТИИ: PRO ET CONTRA

Споры о демократии не утихают уже две с половиной тысячи лет, не миновала их и посткоммунистическая Россия. Правда, полемику эту вели в ней в основном не ученые, а политики, посему партийная риторика нередко заступала место научного анализа. А в контексте всех бурных и печальных событий 90-х гг. слово *демократия* (в переводе с греческого – *народовластие*), изначально обозначавшее одну из форм правления, превратилось в жупел, почти ругательство. Именно *демократия* и *демократы* призваны были к ответу за все поражения и унижения, недостатки и пороки современного российского общества: распад Советского Союза и порожденные им проблемы и кровопролития, господство чистогана и политического цинизма, снижение рождаемости, деградация культуры и образования, упадок нравов и т. д. Не претендуя на то, чтобы дать ответ на вопрос *что же такое демократия*, и отдавая себе отчет в том, что древняя (прямая) и современная (представительная) демократия могут иметь принципиальные различия¹¹, мы полагаем не лишним интереса и по-своему актуальным обращение к истокам данного понятия, к первым рассуждениям и спорам вокруг обозначаемого этим греческим словом государственного строя.

В нашей статье мы рассмотрим, как понимали демократию политические мыслители Древней Греции, претендующей на то, чтобы считаться родиной этой формы правления.

И в зарубежной, и в современной отечественной историографии неоднократно отмечался парадокс: древнегреческая демокра-

¹¹ Эти различия могут даже поставить под сомнение возможность рассмотрения прямой и представительной демократий как разных видов одной и той же формы правления. См. об этом подробнее: Вольнов, В. Феномен свободы. – СПб., 2002. – С. 272–278.

тия не выработала собственной политической теории²². Наиболее решительно это мнение представлено М. Финли: «Я не верю, что членораздельная демократическая теория когда-либо существовала в Афинах. Были отдельные замечания, максимы, обобщения, ничего не добавляющие к систематической теории»³³. Категоричность известного антиковеда не всем пришлась по вкусу. Так, по мнению английского ученого А. Джонса, сохранившаяся литература не представляет афинское общественное мнение. Большинство афинян гордились своим государственным строем и были ему преданы⁴⁴. Американский исследователь Дж. Обер вообще утверждал, что «в Афинах демократическая идеология так доминировала на политическом ландшафте, что формальная демократическая теория была излишней»; эта глубоко укорененная народная идеология «формулировалась, поддерживалась и проявлялась в процессе публичных выступлений (public speech)»⁵⁵. Все же следует признать, что всестороннего и изощренного обсуждения и оправдания греческой демократии ее современниками до нас не дошло, а может быть, и никогда не существовало⁶⁶. Редкими исключениями являются некоторые пассажи у трагиков (Eur. Suppl., 403–408; 428–441);

с большой натяжкой – дискуссия персов у Геродота о способах правления и их преимуществах (Hdt., III, 80–82); надгробная речь

² См. сходные по сути рассуждения на эту тему, например, в следующих сочинениях: Jones, A. H. M. *Athenian Democracy*. – Baltimore, 1986. – P. 41; Roberts, J. T. *Athens on Trial // The Antidemocratic Tradition in Western Thought*. – Princeton, 1994. – P. 3, далее подробно – P. 48–70 (Ch. 3); Vidal-Naquet, P. *Democracy: A Greek Invention // Cleisthenes Athenian*. – P. 110 (за исключением Протагора); Saxonhouse, A. W. *Athenian Democracy: Modern Mythmakers and Ancient Theorists*. – Notre Dame and London, 1996. – P. 7, 27; Маринович, Л. П. *Античная и современная демократия: новые подходы. Курс лекций*. – М., 2001. – С. 4, 34; Карпюк, С. Г. *Общество, политика и идеология классических Афин*. – М., 2003. – С. 10.

³ Finley, M. *Democracy Ancient and Modern*. – New Brunswick, NJ, 1996. – P. 49. Единственным возможным исключением Финли, как и Видаль-Накэ, считал предполагаемую доктрину Протагора (р. 28). Ларсен полагал, что последняя как раз и есть дошедшая до нас античная теория демократии, а именно: теория о превосходстве коллективного суждения народа (см.: Larsen, J. A. O. *The Judgment of Antiquity on Democracy // Classical Philology*. – V. 49. – No. 1. – 1954. – P. 1–14).

⁴ Jones, A. H. M. *Athenian Democracy*. – P. 42. Почти в тех же словах: Roberts, J. T. *Athens on Trial*. – P. 34.

⁵ См.: Ober, J. *The Athenian Revolution*. – Princeton, 1996. – P. 148.

⁶ См.: Raaflaub, K. *Contemporary Perceptions of Democracy in Fifth-century Athens / W. R., Connor, M. H., Hansen, K., Raaflaub, B. S., Strauss // Aspects of Athenian Democracy*. – Copenhagen, 1990. – P. 34.

Перикла у Фукидида (Thuc., II, 35–46); славословия в адрес демоса и демократии в речах Демосфена и других афинских ораторов (e.g.: Lys., II, 18–19; Aeschin. I, 4–5; Dem., XX, 105–106; XXIV, 5, 75; *passim*). Более того, практически все великие афинские интеллектуалы – Фукидид, Сократ, Платон, Исократ, Ксенофонт, Аристотель – были в той или иной степени критиками или даже противниками демократии, по крайней мере, ее радикальных проявлений. Наибольший интерес представляют для нас мнения о демократии вообще и, в частности, наиболее развитой, как бы образцовой из всех греческих демократий – афинской, высказанные древнегреческими философами, современниками и свидетелями последней.

Судя по уцелевшим фрагментам сочинений Демокрита, абдерский мыслитель считал демократическую форму правления предпочтительной: «Прекрасна надлежащая мера во всем⁷⁷... (Democ., 68); «бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия граждан при царях, насколько свобода лучше рабства» (Stob., IV, 1, 43). Но демократия «по Демокриту» имеет ряд отличий от демократии в ее радикальном варианте, осуществленном в классических Афинах. И дело не только в том, что, по мнению философа, чернь (*οἱ κακοί*) не должна стремиться к государственным должностям, ибо «чем менее достойны дурные граждане получаемых ими почетных должностей, тем более они становятся небрежными и исполняются глупости и наглости» (Stob., IV, 1, 45). Или: «Тяжело находиться в повиновении у худшего» (Democ., 15); «по самой природе управлять свойственно лучшему» (Stob., IV, 6, 19). В конце концов, в Афинском демократическом государстве на высшие должности долгое время *исключительно*, а затем *преимущественно* выбирались представители лучших, то есть аристократии. Заметим, что одним из основополагающих принципов государственного устройства афинян являлась постоянная (в течение служебного года и по окончании его) подотчетность должностных лиц. Демокрит же считал несправедливым порядок, при котором магистрат несет ответственность за содеянное перед толпой, ибо он беззащитен перед ее произволом. «...Не подобает, чтобы правитель был ответствен перед кем-нибудь другим, кроме как перед самим собой, и не подобает, чтобы тот,

⁷⁷ Пер. фрагментов здесь и далее А. О. Маковельского.

кто господствовал над другими, попадал [через год] сам под власть этих других» (Stob., IV, 5, 48).

Возможно, некая политическая теория демократии была у старших софистов, прежде всего Протагора (около 480–410 гг. до н. э.)⁸⁸. Наш главный источник здесь, правда, не сам Протагор, а один из главных его (и демократии) критиков – Платон. В платоновском диалоге «Протагор»-софист беседует с Сократом. Афинский мудрец высказывает сомнение в том, что можно научиться искусству государственного управления (софисты были готовы за плату преподавать эту науку любому). Протагор в ответ произносит длинную речь, в которой доказывает, что все люди обладают зачатками политического мышления, проявляющиеся в виде гражданской добродетели (πολιτικὴ ἀρετή), политического искусства (πολιτικὴ τέχνη), справедливости (δικαιοσύνη) и рассудительности (σωφροσύνη). Софист излагает свои аргументы с помощью мифа, в котором есть такая сцена: Зевс, сжалившись над людьми, не могущими и не умеющими жить сообща, посылает Гермеса ввести среди людей стыд и правду (Plat. Protag., 322c). На вопрос Гермеса, следует ли распределить их как другие искусства, то есть уделить не всем, повелитель Олимпа велит сделать причастными им всех людей, ибо «не бывать государствам, если немногие будут этим владеть, как владеют обычными искусствами»⁹⁹. Поэтому, дальше рассуждает Протагор, «афиняне, как и все остальные люди, когда речь заходит о плотничьем умении или о каком-нибудь другом мастерстве, думают, что лишь немногим пристало участвовать в совете... когда же они приступают к совещанию по части гражданской добродетели, где все дело в справедливости и рассудительности, тут они слушают, как и следует, совета всякого человека, так как всякому подобает быть причастным к этой добродетели, а иначе не бывать государствам» (Plat. Protag., 322d). Утверждение Протагора о том, что все люди причастны гражданской добродетели и политическому искусству и потому способны выносить коллективное суждение по поводу государственных дел, можно рассматри-

⁸⁸ Хавелок пытается восстановить эту теорию, убирая платоновские искажения; его попытка вызывает уважение, но реконструкция выглядит все же очень произвольной (см.: Havelock, E. A. *The Liberal Temper in Greek Politics*. – New Haven, 1957. – P. 155–190).

⁹⁹ Цитаты из «Протагора» Платона даны в пер. Вл. С. Соловьева.

вать как один из теоретических аргументов в пользу демократии вообще и афинской в частности¹⁰¹⁰.

Рассуждения Демокрита и Протагора афинская демократия могла бы (с некоторыми оговорками) записать в свой актив, но весьма опасной для концепции народовластия была ее критика в трудах великих греческих философов IV в. до н. э. Как бы современные западные апологеты демократии ни обвиняли последних в предвзятости и искажении¹¹¹¹, ничего нельзя поделать с тем, что антидемократическая инвектива оказалась скреплена печатью гениальности Платона и Аристотеля.

Платон (427–347 гг. до н. э.) с его идеей о том, что государством должны править отобранные и обученные соответствующим образом философы, с его упоением специализацией (каждый должен заниматься своим делом, и только таким, к которому предрасположен по природе), не находил демократию привлекательной¹²¹². Афинского философа отличает неприязнь к любого рода густой и шумной толпе, будь то в народном собрании, суде, театре или военном лагере (Rep., 492b), толпа – это «огромный зверь» (493c). Красноречиво его определение демократии: «Демократия... осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию» (557a)¹³¹³. Казалось бы, демократия – самый лучший государственный строй, ведь воцаряется полная свобода, каждый делает что хочет и устраивает жизнь по своему вкусу (557b–c). Но это впечатление обманчиво: при демократии нет справедливости, ибо

¹⁰ См.: Larsen, J. A. O. The Judgment of Antiquity on Democracy. – P. 1–14, passim; Roberts, J. T. Athens on Trial. – P. 41.

¹¹ См., например: Forrest, W. G. The Emergence of Greek Democracy: the Character of Greek Politics 800–400 B. C. – L., 1966. – P. 12–16; Finley, M. Ancient History: Evidence and Models. – L., 1985. – P. 88–103; Roberts, J. T. Athens on Trial. – P. 15, 48–92, passim, 118; Strauss, B. On Aristotle's Critique of Athenian Democracy // Essays on the Foundations of Aristotelian Political Science / ed. C. Lord, D. K. O'Connor. – Berkeley and Los Angeles, 1991. – P. 231.

¹² Неслучайно К. Поппер отнес Платона к врагам «открытого общества» и реакционным адвокатам тоталитаризма. Историки обычно в оценках более сдержанны, хотя Сен-Круа называл Платона «архиврагом демократии» и «одним из самых решительных и опасных врагов, которых когда-либо имела свобода» (Ste. Croix, G. M. D., de. The Origins of the Peloponnesian War. – L., 1972. – P. 284, 412).

¹³ Цитаты из «Государства» – в пер. А. Н. Егунова.

власть достается тем, на кого случайно пал жребий или кто «обнаружил свое расположение к толпе» (558c). Беда демократии в том, что она, провозглашая равенство в правах, уравнивает неравных по природе. Кроме того, при демократии фактически не действуют законы и нет должного управления. Люди, не желающие подчиняться, не подчиняются, не желающие воевать, когда другие воюют, не воюют и т. д.; приговоренные к смерти или изгнанию разгуливают на свободе (558a). С законами там не считаются, чтобы не иметь над собой никакого господина (563d).

Как ненасытное стремление к богатству губит олигархию, так и ненасытная жажда свободы, когда государство «сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде», приводит к деградации и гибели демократию (562b–d). Эта опьяненность свободой проявляется и в том, что дети не слушают родителей, рабы чувствуют себя равноправными со свободными, а женщины – с мужчинами, и даже животные выходят из повиновения человеку – «лошади и ослы привыкли выступать здесь важно и с полной свободой» (562e–563c). Свобода вырождается в своеволие, приводит к неповиновению, и тогда чрезмерная свобода оборачивается чрезмерным рабством, возникает тирания (563e–564a). С добродетелями в демократическом государстве дело также обстоит скверно: там «наглость... будут называть просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством» (561a).

А вот как Платон описывает «уклад жизни свободного человека в условиях равноправия» (то есть демократии) (561e): «Изо дня в день такой человек живет, угождая первому налетевшему на него желанию: то он пьянствует под звуки флейт, то вдруг пьет только воду и изнуряет себя, то увлекается телесными упражнениями; а бывает, что нападает на него лень, и тогда ни до чего ему нет охоты. Порой он проводит время в занятиях, кажущихся философскими. Часто занимают его общественные дела: внезапно он вскакивает и говорит и делает что придется... В его жизни нет порядка, в ней не царит необходимость; приятной, вольной и блаженной называет он эту жизнь и как таковой все время ею и пользуется» (561d). Очевидно, что Платону, считавшему, что каждый должен заниматься своим делом, такой свободный образ жизни был не по душе. В этих словах греческого философа можно также услышать заочную полемику с надгробной речью Перикла или даже карика-

туру на горделивое замечание афинского лидера о том, что каждый гражданин Афин «с изяществом и ловкостью» реализует себя в различных видах деятельности (Thuc., II, 40, I)¹⁴.

Нелицеприятного мнения Платон и о лидерах афинской демократии, среди которых он упоминает Фемистокла, Кимона, Перикла, то есть создателей морской державы (архэ) и величия Афин: «Говорят, будто они возвеличили наш город, а что из-за этих прежних правителей он раздулся в гнойную опухоль, того не замечают. А между тем они, прежние, набили город гаванями, верфями, стенами, податными взносами и прочим вздором, забыв о воздержанности (σωφροσύνη) и справедливости (δικαιοσύνη)» (Gorg., 518e–519a – пер. С. П. Маркиша).

Именно Платону принадлежит известная классификация государственных строев, позднее уточненная Аристотелем. В диалоге «Политик» он выделяет монархию (ее негативная разновидность – тирания), аристократию (ее извращение – олигархия) и демократию¹⁵. Отрицательная ипостась демократии никак особо не называется, но замечается, что «и при ней, как при других видах государственной власти, бывает управление согласное с законами и противозаконное» (Polit., 302e – пер. С. Я. Шейнман-Топштейн). Из всех правильных форм демократия – наихудшая, а из неправильных – наилучшая (303b).

Самый развернутый анализ демократии, на котором мы и сосредоточим наше основное внимание, содержится в трудах другой знаковой фигуры греческой философии – младшего современника и ученика Платона Аристотеля (384–322 гг. до н. э.)¹⁶.

Аристотель рассматривает демократию как качественно худшую форму государственного строя по сравнению с тремя идеаль-

¹⁴ См.: Pohlenz, M. Freedom in Greek Life and Thought: The History of an Ideal / tr. by C. Lofmark. – Dordrecht – N. Y., 1966. – P. 85.

¹⁵ В «Политике» Платон пересмотрел свою более раннюю классификацию, приведенную в «Государстве» (544c). Тогда он выделил четыре формы (по степени убывания): тимократия (нечто идеальное, хотя Платон и ссылается на критян и спартанцев); олигархия, преисполненная «множества зол»; вырастающая из нее демократия; тирания – «крайнее заболевание государства».

¹⁶ Из последних работ на эту тему см.: Papageorgiou, C. L. Four or Five Types of Democracy in Aristotle? // History of Political Thought. – Vol. XI. – 1990. – P. 1–8; Lintott, A. Aristotle and Democracy // Classical Quarterly. – Vol. 42. – 1992. – P. 114–128; Ober, J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. – Princeton, 2002. – P. 290–351.

ными, «правильными» (полития, аристократия, монархия)¹⁷, но как лучшую, то есть более приближенную к справедливости, более умеренную (μετρίωτατη) из реально существующих отклонений от идеальных государственных типов (демократия – отклонение от политики, олигархия – от аристократии, тирания – от царской власти) (Pol., 1289a25–b5). «Извращенные» типы греческий философ определяет следующим образом: «Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет» (Pol., 1279b6–10). Симпатии самого философа – на стороне сбалансированного государственного строя, представляющего из себя нечто среднее между олигархией с достаточно широкой социальной базой и умеренной демократией (см., например, его реплику о Солоновой прародительской демократии – 1273b35–1274a).

Несколько раз в своем главном политико-философском труде «Политика» Аристотель дает определение демократии, обозначая ее главные признаки. «Демократия обыкновенно определяется двумя признаками: сосредоточением верховной власти в руках большинства и свободой» (1310a30); здесь же разъясняется, что такое свобода: «возможность делать всякому что угодно»; «каждый живет по своему желанию» (1310a33–35); «жить так, как каждому хочется» (тогда как рабство – «отсутствие возможности жить, как хочется» – 1317b11–14). В качестве характерных черт демократии упоминаются также справедливость и равенство (1291b30–35, 1310a30–32). Аристотель выделяет следующие общие принципы, характерные для демократического строя, очевидным образом исходя из афинского опыта развитой демократии (собственно говоря, ее-то он и описывает): «все должностные лица назначаются из всего состава граждан; все управляют каждым, в отдельности взятым, каждый – всеми, когда до него дойдет очередь¹⁸; должности замещаются по жребию либо все, либо за исключением тех, которые требуют особого опыта и знания; занятие должностей не обуслов-

¹⁷ Определение трех идеальных форм: «Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией..., а когда ради пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства» (Pol., 1279a33–37 – цитаты из «Политики» здесь и далее в пер. С. А. Жебелева).

¹⁸ Ср.: Pol., 1317b2 – по очереди управлять и быть управляемым.

лено никаким имущественным цензом или обусловлено цензом самым невысоким; никто не может занимать одну и ту же должность дважды, за исключением военных должностей; все должности, либо те, где это представляется возможным, краткосрочны; судебная власть принадлежит всем, избираются судьи из всех граждан и судят по всем делам или по большей части их, именно по важнейшим и существеннейшим... Народное собрание осуществляет верховную власть во всех делах... Следующей особенностью демократического строя является то, что все получают вознаграждение: народное собрание, суд, должностные лица...» (1317b19–36). Нелицеприятным довеском к данному описанию демократии выглядит приводимое здесь же сравнение с олигархией: если олигархия, – замечает Аристотель, – определяется благородством происхождения, богатством и образованием, то демократию отличают противоположные признаки – безродность, бедность и грубость (1317b38–41).

Еще один важный момент: Стагирит подчеркивает, что демократия – это такой строй, при котором «неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках» (1290b17, также 1317b8). Для него демократия – это именно «правление бедных», даже если (гипотетически) они в меньшинстве: «тот признак, что верховная власть находится в руках меньшинства либо в руках большинства, есть признак случайный, и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих – большинство... То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана – безразлично, у меньшинства или большинства – на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия» (1279b30–1280a4). Правят неимущие не в интересах общего блага, а в собственных (1279b8–10). Тем демократия и отличается от политики, что в последней большинство правит ради общей пользы (1278a37).

Важной частью аристотелевского анализа понятия «демократия» является классификация ее типов. Эти типы (виды – εἶδη) анализируются с разных сторон: кто участвует в работе народного собрания и исполняет должности (по занятиям, имуществу, социальному положению), способ принятия решений, отношение к законам. Лучше всего описаны первый и особенно последний вид демократии. Первый вид – «самый древний и самый лучший»

(1318b6) – характеризуется равенством, зиждящимся на законе; это демократия *par excellence*, поскольку предоставляет всем равную долю во власти: «Равенство же, гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны» (1291b30–34). Она бывает в небольших земледельческих общинах, где состояния скромные и где каждый должен работать. Нехватка досуга приводит к тому, что народное собрание созывается редко, только по необходимости, «решение предоставляется не всем гражданам в полном составе, но между ними соблюдается известная очередность» (1298a11–13), а текущее управление находится в руках нескольких граждан – тех, кто достаточно состоятелен и может позволить себе заниматься политикой; правят в такой демократии законы, а занятие должностей обусловлено невысоким имущественным цензом (1292b23–34, 1291b39–41).

В четвертой книге «Политики» – там, где впервые дается классификация видов демократии, – после подробного описания первого вида (1291b30–40) сказано: «Другой ее вид (*ἄλλο δέ*) – тот, при котором занятие должностей обусловлено, хотя бы и невысоким, имущественным цензом» (1291b39–40)¹⁹. Далее описываются еще три вида демократии, и тогда получается, что всего их пять. Но чуть ниже философ возвращается к проблеме классификации, и оказывается, что все-таки видов демократии четыре (1292b25–1293a10) – столько же, сколько видов олигархии (1292a40–1292b19). Чем объяснить такую явную непоследовательность Аристотеля? Некоторые исследователи следуют конъектуре, предложенной еще в конце XVIII в. Й. Шлоссером, убирают слова *ἄλλο δέ*²⁰, и тогда фраза переводится как «этот вид – такой, при котором занятие должностей обусловлено, хотя бы и невысоким иму-

¹⁹ Ф. Зуземиль (*Aristoteles' Politik* // *Greichisch und Deutch hrsg. Von Dr. F. Susemihl*. – Leipzig, 1879), Ж. Обонне в двуязычном французском издании (*Aristote politique / Texte établi et traduit par J. Aubonnet*. – Paris: Les belles lettres, 1979. – Т. II), С. А. Жебелев в своем переводе «Политики» на русский язык (*Аристотель. Соч.: в 4 т. – Т. IV*. – М., 1983) и др. придерживаются данного варианта чтения.

²⁰ Например, О. Иммиш (*Aristotelis Politica* / rec. O. Immish. – Lipsiae: Teubner, 1909) в тейбнеровском издании и Г. Рэкхэм (H. Rackham) в двуязычном Loeb издании «Политики» (*Aristotle Works*. – Vol. XXI. – Camb. Mass., 1926), редактор оксфордского издания У. Росс (*Aristotelis Politica* / ed. W. D. Ross. – Oxford: Clarendon Press, 1957). Папагеоргиу приводит в своей статье новые аргументы в пользу данного исправления: *Parageorgiou, C. L. Four or Five Types of Democracy in Aristotle?* – P. 1–8.

щественным цензом», то есть первый и второй вид – один и тот же, всего же получается четыре разновидности демократии. По нашему мнению, вина за путаницу лежит на переписчиках рукописей, а не на Стагирите, и, руководствуясь логикой его повествования, следует принять такой вариант чтения этого спорного места, который исходит из наличия четырех типов демократии.

Следующий вид демократии близок к предыдущему: в управлении могут участвовать «только те, кто может иметь досуг (то есть люди достаточно состоятельные. – *Т. К.*); в такого рода демократии властвуют законы» (1292b36–38), народ живет скотоводством – это занятие самое близкое к земледелию и развивающее полезные качества воина (1319a19–24). Третий вид демократии – «тот, при котором всякий, лишь бы он был гражданином, пользуется правом занимать должности, властвует же опять-таки закон» (1292a1–4); но на самом деле в управлении участвуют не все, а те, у кого есть досуг (1292b38–41). Способ принятия решений и управления в таких демократиях следующий: граждане «совещаются все вместе, но сходятся только для избрания должностных лиц» и для решения наиболее важных вопросов, «касающихся законодательства, войны, мира и принятия отчетов»; остальными делами управляют должностные лица (1298a20–25).

Наконец, последний вид – крайняя демократия. Для нее характерны следующие признаки: 1) «верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам» (1293a10, также 1292a5 – «верховная власть принадлежит не закону, а простому народу»), и осуществляется она через принятие декретов народного собрания (псефизм) («демократия есть один из видов государственного устройства ...при котором все управляется постановлениями народного собрания» – 1292a35). Или еще сильнее: «верховная власть народа стоит выше закона» (1298b14; ср.: «народ становится выше самих законов» – 1305a24). 2) Верховодят в таком государстве демагоги: «в тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги» (1292a4–11). 3) Неимущие, получая вознаграждение, пользуются досугом и реально могут принимать участие в управлении государством; богатым же гражданам мешает забота о собственных делах, «так что они часто не присутствуют на

народных собраниях и судебных разбирательствах» (1293a1–10)²¹. Необходимые доходы для оплаты посещений народного собрания «приходится получать путем установления чрезвычайных налогов, путем конфискации, плохого судопроизводства» (1320a20). 4) Такая демократия характерна для больших государств (1293a1), а народ в ней состоит из ремесленников, торговцев, поденщиков – это «городская чернь», торчащая на площади и в городе и с легкостью устраивающая народные собрания (1319a27–30, 37). 5) Практика управления и принятия решения такова: «Все граждане совещаются в объединенном собрании обо всех государственных делах; должностные лица ни по какому вопросу не могут выносить своего решения, но дают только предварительное заключение» (1298a29–34). 6) Власть, которую осуществляет простой народ (масса неимущих), он осуществляет не в интересах общего блага, а к собственной выгоде (1279b8–10). Таким образом, в отличие от предыдущих, в последнем типе демократии воля народной массы не сдерживается никакими укорененными в прошлом общими правилами или законами; такая демократия напоминает тиранию, а в роли тирана выступает народ: «в этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами» (1292a15–20). Несколько раз на страницах своей книги Аристотель возвращается к этому сравнению, точнее, отождествлению, радикальной демократии и тирании: «...ведь крайняя демократия – та же тирания» (1312b7); крайние демократии «соответствуют династической олигархии и тиранической монархии» (1298a34); перед народом заискивают, как перед тираном (1274a6); «все те признаки, какими отличается крайняя демократия, свойственны также и тирании» (1313b33).

Аристотель не огулен в своей критике демократии. Он находит серьезные доводы в ее пользу, особенно по сравнению с другими извращенными формами государственного устройства. Демократии

²¹ Интересно, что по Аристотелю выходит: чем реже народные собрания, чем меньше их посещает народа, тем лучше вид демократии (ср.: 1292b23–1293a5–10).

более стабильны и долговечны по сравнению с олигархиями благодаря наличию в них среднего класса, особенно в крупных полисах: «...Крупные государства по той же самой причине – именно потому, что в них многочисленны средние граждане, – менее подвержены распрям; в небольших же государствах население легко разделяется на две стороны, между которыми не остается места для средних, и почти все становятся там либо бедняками, либо богачами. Демократии, в свою очередь, пользуются большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в них средних граждан... Но когда за отсутствием средних граждан неимущие подавляют своей многочисленностью, государство оказывается в злополучном состоянии и быстро идет к гибели» (1296a10–17). Но крайняя демократия нестабильна, «если только она не скреплена законами и нравами граждан» (1319b2–4).

Более того, в «Политике» Аристотеля можно найти следы, вероятно, той же демократической доктрины, которую у Платона представляет Протагор, при том что сам Стагирит отнюдь не был приверженцем народного правления²². Он признает, что при определенных условиях нахождение верховной власти в руках большинства предпочтительнее, нежели меньшинства, «хотя бы состоящего из наилучших», и может заключать «в себе некое оправдание, а пожалуй, даже и истину. Ведь может оказаться, что большинство, из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь, но в своей совокупности, подобно тому, как обеды в складчину бывают лучше обедов, устроенных на средства одного человека... Вот почему большинство лучше судят о музыкальных и поэтических произведениях: одни судят об одной стороне, другие – о другой, а все вместе судят о целом» (1281a40–1281b10) (иначе – Платон, Leg. 670c). И далее: «...Толпа о многих вещах судит лучше, нежели один человек, кто бы он ни был» (1286a31). Иными словами, суммарная добродетель и суммарное суждение – доводы в пользу демократии. К ним добавляется и такое соображение, в развитие вышеизложенного: «Сверх того, масса менее подвержена порче: подобно большому количеству воды, масса менее поддается порче, чем немногие. Когда гнев или какая-либо иная подобная страсть овладевает отдель-

²² См.: Lintott, A. Aristotle and Democracy. – P. 117.

ным человеком, решение последнего неизбежно становится негодным; а чтобы это случилось с массой, нужно, чтобы все зараз пришли в гнев и в силу этого действовали ошибочно» (1286a32–38)²³. Другой аргумент, обнаруживаемый у Стагирита про демократия, – еще более изощренный: политика – один из тех видов деятельности, где лучший судья не знаток (мастер), а пользователь, подобно тому, как о доме будет судить лучше не тот, кто его построил, а кто в нем живет; о пиршестве – не повар, а гость и т. д. (1282a15–25).

Известно определение понятия «гражданин» (πολίτης), данное Аристотелем: «Лучше всего... понятие гражданина может быть определено через участие в суде и власти» (1275a22–23); «мы же считаем гражданами тех, кто участвует в суде и в народном собрании» (1275a32–33). Сам философ признает, что такому определению гражданина более всего благоприятна демократия: «Тот гражданин, о котором сказано выше, соответствует преимущественно гражданину демократического устройства... При некоторых видах государственного устройства демоса нет, нет и обыкновения созывать народные собрания, за исключением чрезвычайных случаев, и судебные полномочия поделены между разными должностными лицами» (1275b5–10) (в качестве примеров приводятся Спарта и Карфаген – 1275b10–12).

К некоторым типам демократии Аристотель относится с явной симпатией; собственно, только ее радикальная разновидность рисуется в отрицательном свете. Лучшая демократия – земледельческая; на втором месте – пастушеская; демократия же, где народная масса состоит из «ремесленников, торговцев, поденщиков», – худшая, ибо ни одно из их дел «не имеет ничего общего с добродетелью» (1319a20–30). Существует ли исторический прототип для данного вида демократии – ведь Стагирит не раз иллюстрировал свои политико-философские изыскания конкретными историческими примерами?

Аристотель подчеркивает, что «крайняя» (τελευταία – 1298a31, ἐσχάτη – 1312b36) разновидность демократии – именно «послед-

²³ Здесь Аристотель очевидным образом недооценивает особенности массовой психологии, которые прекрасно видел, например, Геродот, заметивший, что 30 000 легче обмануть, чем одного (V, 97).

няя» (ύστάτη – 1310b4), «новейшая» (νεώτατη – 1305a29), то есть современная. Надо признать, что в «Политике» Аристотель прямо нигде не называет государственный строй Афин IV в. до н. э. (как и какого-либо другого греческого полиса) крайней демократией. Но это не означает, что данный тип демократии – чисто теоретический конструкт. В своих умозрительных рассуждениях, классификациях, построениях философ в «Политике» опирался на государственно-правовые греческие реалии прошлого и настоящего²⁴. Аристотель дает понять, что демократия, в которой верховная власть народа стоит выше закона, действительно существует, и существует в настоящее время (vv^v – 1298b13–15; 1305a24). Очерк развития афинской демократии, представленный во второй книге (1273b34–1274a21), свидетельствует о ее перерождении от прародительской демократии Солона в крайнюю форму: «Когда народный суд усилился, то пред простым народом стали заискивать, как перед тираном, и государственный строй обратился в нынешнюю демократию. Значение ареопага уменьшил Эфиальт вместе с Периклом; Перикл ввел плату за участие в суде, и таким способом каждый из демагогов вел демократию все дальше – вплоть до нынешнего положения» (1274a5–12). Характеристика афинской демократии, которую по ходу изложения дает Стагирит, не оставляет сомнений в ее соотнесенности с основными чертами радикальной демократии: дурные руководители-демагоги (1274a10, 13–15); простой народ, среди которого особенно выделяются матросы, «корабельная чернь», у власти (1291b23–24; 1304a23–25). Таким образом, мы с полным правом можем применять аристотелевское описание последнего типа демократии – ее крайней разновидности – к афинской демократии, современной великому философу²⁵. Также мы можем констатировать, что древнегреческое понятие «демократия», установленное и проанализированное в трудах греческих философов, во многом отличается от современного одноименного

²⁴ На это неоднократно обращал внимание в своем исследовании А. И. Доватур (Политика и Политии Аристотеля. – М.; Л., 1965. – С. 34–35, 43, 188 etc.).

²⁵ Даже те, кто полагает, что Аристотель отнесся к афинской демократии незаслуженно критически, не сомневаются в том, что философ рассматривал именно ее как радикальную разновидность демократии в полном соответствии со своим описанием. См.: Strauss, B. On Aristotle's Critique of Athenian Democracy. – P. 216–217.

концепта, которым оперируют и политические науки, и общественное мнение.